

**КАК Я СТАЛ
«ЗЕЛЕНЫМ»**

Меня часто спрашивают, почему после ухода с поста президента СССР, после распада Советского Союза я занялся экологией, возглавил созданную в 1992 году международную неправительственную организацию «Зеленый Крест».

Каждый человек старается найти оптимальное применение своим силам. Вот и мне представляется, что занятие экологией в широком смысле — ибо вопросы окружающей среды неразрывно связаны для меня с вопросами мира и безопасности, проблемами социальной справедливости — дает мне возможность осуществить как бы синтез устремлений всей моей жизни: жизни крестьянина, интеллигента, хозяйственника, государственного деятеля и, наконец, руководителя государства, занимавшего одну шестую часть суши.

Я родился и вырос на Северном Кавказе, в Ставропольском крае, который с седой древности до наших дней был свидетелем многих иноземных нашествий, перекрестком разных культур и цивилизаций. Помимо русских, там проживают украинцы, греки, армяне и многочисленные народности Северного Кавказа: карачаевцы, черкесы, осетины, ногайцы, чеченцы и другие. Мой край был для меня первой школой терпимости и уважения к иным национальностям, языкам, обычаям, религиям — на такой небольшой территории оказались представ-

ленными три ветви православия и ислам, добрый десяток языков и народных культур.

Жизнь в селе, в крестьянской семье, была теснейшим образом связана с природой. А еще — с необходимостью совместными усилиями противостоять природным и социальным бедам.

Мое детство прошло в бедности — в обычной хате с земляным полом, где спали на печи, зимой забирали в сени теленка, а по весне — кур и уток. В 1933 году, когда я был ребенком, на Ставрополье обрушился голод, который в соседней Украине образно называли «голодомором». По мнению ряда историков, голод этот был искусственно организован властью. Прежде всего, сама коллективизация, разрушившая традиционный уклад крестьянской жизни, сопровождавшаяся высылкой в Сибирь наиболее рачительных крестьян, «кулаков», подорвала сельскохозяйственное производство. В этот страшный год от трети до половины жителей моего родного села Привольное умерли от голода, в том числе две мои сестры и брат отца.

За голодом последовало новое испытание — сталинские чистки. Оба моих деда были арестованы по сфабрикованным обвинениям, но, к счастью, выжили, а вот дед моей супруги Раисы был расстрелян и реабилитирован лишь в 1988 году.

В 1941 году на всех советских людей обрушилась большая трагедия — нападение гитлеровской Германии. Мой отец ушел на фронт, но сам я, мальчишка, вместе с матерью и всей нашей семьей пережил немецкую оккупацию, голод, постоянный страх за отца (один раз мы даже получили извещение о его гибели, которое оказалось впоследствии ошибочным), огромную боль за судьбу моей страны.

Что особо запомнилось из тех страшных лет? Первая военная зима, отличавшаяся необыкновенной суровостью, словно сама природа ополчилась против гитлеровских захватчиков. Голод и нищета. Практически весь урожай отдавался государству, чтобы кормить армию и рабочих, которые производили военную продукцию. Были прерваны поставки даже товаров первой необходимости. Мы вернулись к допромышленному существованию, которое напоминало описания мира «после катастрофы» в произведениях американского фантаста Филипа Дика или в романе русской писательницы Татьяны Толстой «Кысь». Нам пришлось сажать коноплю и стричь баранью шерсть, бабушкам — повытаскивать с чердаков старые ткацкие станки и прялки, и даже обувь мы изготавливали сами из воловьих шкур, пропитывая подошвы мазутом. Соль добывали из Соленого

озера, расположенного в пятидесяти километрах от деревни, мыло научились сами делать из соды, а искру высекали из кремня или же делали спички, выскребая взрывчатку из неразорвавшихся противотанковых гранат.

И все же самым большим шоком, навсегда определившим мое отвращение к войне, стал такой эпизод. В конце февраля или начале марта 1943 года, когда начал таять снег, я с товарищами отправился на поиск «трофеев» в подлесок между моим родным селом Привольное и соседним селом Белая Глина. И там мы наткнулись на останки группы наших солдат, павших в бою. Разложившиеся, полугрызенные дикими зверями тела в лохмотьях гимнастерок, черепа в заржавевших касках, выбеленные снегом кости рук, еще сжимающие ружья. На нас уставились пустые глазницы. Этот лик войны, эту сюрреалистическую в своем реализме картину я запомнил навечно. Каждый раз, когда я слышу о новом конфликте или о новом теракте, бесстрастные сводки с цифрами погибших принимают облик этих солдат.

И еще одна страшная картина отпечаталась в моей памяти. Через несколько лет после окончания войны я отправился на учебу в Москву. Ехал на поезде с пересадками, проезжая через места жестоких битв — Сталинград, Ростов, Харьков,

Воронеж, Орел, Курск. Нескончаемые километры развалин... Это тоже был лик войны.

Хоть наше село пережило во время войны и холод, и голод, и возврат к примитивным условиям существования, все наши страдания перекрывались большой всенародной трагедией оккупации части страны, массовой гибели наших солдат и офицеров, среди которых было и несколько моих родственников. Мы жили верой в победу, надеялись, что жизнь колхозников изменится после войны к лучшему. Но действительность не походила на официальную пропаганду. В послевоенные годы появились книги и фильмы, прославлявшие жизнь советского крестьянства. В них колхозники доблестно трудились, но зато зажиточно жили и весело проводили досуг, а наша жизнь была совсем другой — невеселой.

С пятнадцати лет я стал работать летом комбайнером вместе с отцом. Это был тяжелейший труд. Тяжело работали все колхозники, однако денег они не получали, а размер оплаты «натурой», то есть сельскохозяйственной продукцией, был мизерным. Колхозная семья выживала лишь за счет приусадебных участков, да и то она должна была сдавать государству часть продукции с них, а также определенное количество молока, масла и мяса, даже если у нее не было своего скота. Налогом облага-

лись и фруктовые деревья, хотя они плодоносили не каждый год.

В 1861 году царь Александр Второй освободил русских крестьян от крепостного права, но оставил основные земельные богатства за помещиками. Социалистическая утопия, ради которой миллионы крестьян поддержали революцию, обещавшую им землю, обернулась сталинским закрепощением. Попавшие в кабальную зависимость от государства, крестьяне не могли даже бежать в город: им не выдавались внутренние паспорта, без которых нельзя было ни устроиться на работу, ни получить разрешение на жительство где бы то ни было вне их села. Я рано начал осознавать, пусть и смутно, что советское крестьянство является жертвой социальной несправедливости, хотя тогда мне казалось, что жертва эта — временная и что светлое будущее обязательно наступит.

В те же послевоенные годы пришло ко мне и осознание могущества природы. Для моих внуков сегодня, как для большинства городских детей, природа — это красивый, но абстрактный мир: в лесу или парках растут деревья и цветы, поют птицы. Но спросите-ка у них, как называется скромный полевой цветок или какая птичка выводит свою трель, — и они промолчат. «Записки охотника» Ивана Тургенева они, конечно, читали,

но наверняка «перескакивали» через его проникновенные описания русской природы, ведь у них нет зрительного образа для всех бесчисленных растений, птишек и зверушек, о которых он пишет. Для меня же, человека, с малых лет связанного с природой, особенно с волшебным миром степей, с их бескрайними просторами, где на закате дня в полях созревающей пшеницы заливаются перепелки и ласково дует свежий ветерок, а ночью небо усыпано мириадами звезд, все это было естественным состоянием. В трудные минуты моей жизни природа всегда была моим убежищем. Она для меня — не «окружающая среда» или «зона отдыха», но храм, в котором я испытываю чувство, близкое к религиозному.

Понимание нашей зависимости от природы начало появляться у меня в связи с послевоенными засухами и пыльными бурями. В 1946 году в нашем крае, да практически и во всех хлебородных краях, была засуха, урожай почти полностью погиб. К нам хлынули голодные толпы из Сталинграда и других городов, готовые менять все, что у них было, на хлеб. Та же картина повторилась в нашем крае и в 1947 году. 1948 год также начался драматически. В течение трех дней на всем Северном Кавказе бушевали пыльные бури, на расстоянии пяти метров человека не было видно. После

бурь отец поехал в поле и взял меня с собой. Посевы были смяты, повержены, погребены под слоем пыли. Отец мой был человеком сдержанным, он никогда не повышал голос ни на детей, ни на жену. И тут он не плакал, не кричал, но я видел, что он был в отчаянии. И вдруг через несколько дней пошли дожди, и посевы воспряли, ожили — урожай был отличным.

Это был первый наглядный урок. Надо ведь вспомнить, какова была официальная доктрина в то время. В каждой школе на стене висело изречение известного садовода Ивана Мичурина, которому удалось повысить урожайность яблонь благодаря скрещиванию различных сортов: «Нам нельзя ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!». Несколько лет спустя, когда по окончании Московского университета я вернулся на работу в родной край, мне пришлось быстро убедиться в том, как на самом деле понималась эта фраза.

В советских условиях партийный руководитель — это прежде всего хозяйственник. И в плодородном Ставропольском крае я занимался в первую очередь сельским хозяйством. Мне пришлось спасать и урожаи во время довольно частых в Ставрополье засух, и скот — от истребления во имя выполнения спущенных сверху планов по поставкам мяса, и земли, истощенные неправильным

землепользованием, закрывать карьеры по добыче щебня для строительства, ради сооружения которых взрывали красивейшие горы Северного Кавказа. Наверное, тогда я внутренне поклялся себе, что сделаю все от меня зависящее, чтобы рано или поздно изменить такое положение вещей. Этой клятве было суждено сбыться, и превыше всех моих ожиданий.

По мере того как я поднимался по ступенькам власти, мне все в большей степени открывалась картина экономической, социальной, экологической катастрофы, в которую был ввержен Советский Союз. Напомню, что почти вся информация о подлинном состоянии страны была тогда засекречена, и первый доступ к ней я получил лишь в 1970 году, став депутатом Верховного Совета СССР и войдя в состав комиссии по охране природы, а доступ в полном объеме — лишь на посту генерального секретаря ЦК КПСС.

Не чувствуя заботы о себе, наша земля-кормилица, как называли ее традиционно крестьяне, была истощена, находилась в запустении. Приоритетами государства были тяжелая промышленность, работавшая на военно-промышленный комплекс, и добыча полезных ископаемых, продажа которых за рубеж позволяла финансировать гонку вооружений. Миллионы гектаров

земли были «экспропрированы» под военные полигоны. Строительство гигантских плотин для гидроэлектростанций, сопровождавшееся созданием искусственных морей, не только погубило рыбные богатства страны, когда-то славившейся на весь мир своей рыбной кухней, но и привело к затоплению 14 миллионов гектаров пойменных, то есть наиболее плодородных, земель. Еще десятки миллионов гектаров оказались заняты под приграничные зоны. Огромные территории некогда плодородных земель были загублены примитивной мелиорацией. Бездумное использование пестицидов привело к загрязнению пахотных площадей, рек и озер, нанесло непоправимый урон флоре и фауне. Особый вред был нанесен Крайнему Северу, где из-за варварских методов добычи нефти и газа была частично погублена тундра — естественная среда обитания коренных народов Севера. На Дальнем Востоке и в Сибири были вырублены бесценные лесные массивы. А Аральское море, которое за последние сорок лет потеряло 50 % своей площади! Уже много лет ветер разносит на тысячи километров соленую, загрязненную пестицидами пыль, образовавшуюся на месте высохшего моря, которая достигает территории Беларуси и Афганистана, сжигает там растительность. А загрязненный бассейн Волги,

великой русской реки, вдоль берегов которой проживает половина населения Российской Федерации! А население регионов, превращенных в полигоны ядерных и химических испытаний, как Челябинск, и даже не предупрежденное об опасности! Напомню, что в 1959 году в «закрытом» городе Кыштым вблизи Челябинска произошел взрыв химикалий в отстойнике радиоактивных отходов военного склада, что вызвало серьезное заражение окружающей среды и населения, и этот факт в течение почти тридцать лет держался в секрете.

Признаться, я тогда ужаснулся. Отсутствие гласности позволяло руководству страны совершать чудовищные злоупотребления при полном безмолвии подцензурной прессы. И за эти «подвиги» партийные и государственные чиновники получали ордена!

Руководителем коммунистической партии, то есть фактическим главой СССР, я был избран в 1985 году. К этому времени у меня уже сложился основной круг идей по реформированию страны. Эти идеи опирались на твердое убеждение: «Так дальше жить нельзя!»

Я выдвинул перед обществом три цели: гласность, перестройка, ускорение. Гласность, то есть открытость, возможность и право говорить правду, была необходимейшим условием радикальных

реформ, которые я окрестил перестройкой. Действительно, как можно было приниматься за реформы, не говоря о реальном положении дел, не поведав людям правды о прошлом? Что же касается ускорения, то речь шла о необходимости ускорить освоение новых технологий, чтобы не оказаться на обочине цивилизованного мира в эпоху быстрого развития электроники и компьютерных технологий, способствовавших объективным процессам глобализации.

Свобода слова быстро электризовала общество, в котором десятилетиями накапливались проблемы, как в паровом котле под туго завинченной крышкой. Бесконечные митинги, собрания, дискуссии в прессе и на телевидении — общество бурлило. И первой темой, которую подняло пробудившееся гражданское сознание, была экология, условия жизни десятков миллионов советских граждан. В 90 городах Советского Союза (практически во всех крупных промышленных центрах СССР) была нарушена среда обитания людей, загрязнен воздух, водные ресурсы, почва. Болели женщины и дети. Некоторые митинги протеста длились по несколько дней. И мы приняли решение о закрытии или остановке для модернизации 1300 экологически вредных предприятий, хотя среди них были производящие уникальную продукцию, которым

не было замены. Но мы пошли на это. Под давлением общественности, зарождающегося гражданского общества, мы отказались и от безумного «фараонического» проекта повернуть вспять могучие сибирские реки, что было чревато настоящими природными катаклизмами на всем евразийском пространстве.

Чернобыльская катастрофа, которая послужила серьезнейшим уроком и для меня лично, и — надеюсь! — для всего человечества, обрушилась на нашу страну всего лишь через год после моего прихода к власти, в апреле 1986 года. По мнению специалистов, существовал, быть может, один шанс из миллионов, что сотрудники Чернобыльской АЭС одновременно допустят те семь ошибок, которые привели к взрыву и пожару внутри реактора, в результате чего его крыша взлетела на воздух и значительное количество радиоактивных материалов было выброшено в атмосферу, на высоту до полутора километров. Эта ситуация была новой как для мировой науки, так и для наших ученых. Тысячи лучших специалистов страны — физиков, математиков, экспертов по ядерной энергетике, химиков — в Москве, Киеве и Минске просчитывали возможные варианты развития событий, предлагали решения, как потушить пожар. Политбюро получило предупре-

ждение от академика Евгения Велихова и его коллег о том, что если горящий реактор «просядет», то могут возникнуть условия для термоядерной реакции и критическая масса окажется в десятки раз больше той бомбы, которая взорвалась в Хиросиме. По понятным причинам мы не хотели сеять панику, но, чтобы полностью исключить этот вариант, бросили на тушение пожара (во время которого продолжался выброс радиоактивных частиц в атмосферу) гигантские силы — тысячи и тысячи солдат, пожарников, шахтеров, работавших в тяжелейших условиях. Дозы радиации были такими, что хотя ликвидаторы и менялись каждые несколько минут, многие из них получили радиационные поражения, впоследствии тяжело болели и скончались раньше отпущенного им срока. Уже после ликвидации пожара в течение многих месяцев тысячи ликвидаторов занимались дезактивацией и санитарной обработкой чернобыльской зоны. Честь и хвала этим людям, которые самоотверженно работали, зная, что их жизни и здоровью грозит опасность. Они — настоящие герои современности!

Я не принимаю обвинений, которые иногда выдвигались в адрес советского руководства, в том, что оно недостаточно сделало для жителей пораженных регионов. Мы сделали все, что было возможно: пожар был потушен, население в радиусе

сначала десяти, а затем тридцати километров отселено, проведена огромная работа по дезактивации населенных пунктов, полей, пастбищ, в рекордные сроки построен «саркофаг» вокруг поврежденного реактора. Несмотря на сложное экономическое положение, мы истратили на эти цели десятки миллиардов рублей.

К сожалению, из-за развала Советского Союза ни постепенное отселение жителей пораженных зон, ни другие долгосрочные мероприятия не были доведены до конца. Как это ни парадоксально, в результате сговора трех республиканских руководителей в Беловежской пуще не только распалась историческая общность народов, составлявших Советский Союз, с сопутствующим разрывом экономических, политических и человеческих связей, но и каждая из обретших независимость стран — Россия, Украина и Беларусь — оказалась наедине со своей чернобыльской бедой. Особенно пострадала Беларусь, на территорию которой пришлось 70 % выпадов радиоактивного облака. По сей день два миллиона белорусов, одна пятая часть населения этой страны, проживают на загрязненных территориях...

Чернобыль сделал меня другим человеком. Какие же уроки я извлек из этой крупнейшей техногенной катастрофы в истории человечества?

Во-первых, Чернобыль оказался первым серьезным испытанием новой политики гласности. Что бы ни говорили на этот счет, но правда такова: я и мои соратники в руководстве в первый же день приняли решение о необходимости публикации данных о катастрофе по мере их поступления. Мы подробно информировали о случившемся зарубежные правительства, в особенности правительства пограничных стран; 6 и 9 мая в Москве состоялись пресс-конференции членов правительственной комиссии; наконец, советская делегация во главе с академиком Валерием Легасовым, одним из главных разработчиков реакторов типа РБМК, блестящим ученым, который впоследствии покончил с собой, не выдержав угрызений совести, представила подробные отчеты МАГАТЭ в Вене, вызвавшие полное одобрение международных инстанций.

Во-вторых, поколебалась моя вера в абсолютную надежность техники. В течение тридцати лет нас уверяли, по образному выражению академика Александра Александрова, что «мирный атом не более опасен, чем самовар» и что АЭС можно установить даже на Красной площади. Мы смотрели на ученых-физиков почти как на богов, которые с помощью науки осуществляют вековую мечту человечества о дешевой и «чистой» электроэнергии,

а оказалось, условно говоря, что боги уязвимы и обладают человеческими слабостями. Это убедило меня в необходимости контроля гражданским обществом всех процессов, которые могут повлиять на здоровье и жизнь населения.

В-третьих, изменилось мое отношение к времени. Период полураспада цезия-137, самого опасного для здоровья населения радиоактивного изотопа, вырвавшегося на волю из «чернобыльского котла», составляет 30 лет, а это значит, что в течение длительного времени этот элемент будет продолжать отравлять продукты питания в зараженных зонах, подрывая здоровье людей. Какое мы имеем право оставлять подобную проблему нашим потомкам? Кому они представят счет за эти ошибки?

И наконец, Чернобыль еще больше укрепил мою решимость строить новые международные отношения, с силой продемонстрировав, что мы — единое человечество, которое живет в едином пространстве. Ведь за несколько суток радиоактивное облако облетело весь мир, и следы радиоактивности были обнаружены за тысячи и тысячи километров от места катастрофы.

К созданию новой концепции международных отношений я шел много лет. Уже кубинский кризис 1962 года показал, что противостояние двух сверхдержав не может быть решено путем ядерного кон-

фликта. И все же, несмотря на разрядку 1970-х годов, несмотря на Хельсинкский процесс, недоверие между двумя блоками государств было столь велико, что продолжалась гонка вооружений, пополнялись арсеналы, расширялся «ядерный клуб».

Впервые мне удалось изложить концепцию «нового политического мышления», которая основывалась на моих убеждениях, подкрепленных разработками единомышленников-ученых в ряде академических институтов, в Лондоне, куда я прибыл в декабре 1984 года во главе делегации Верховного Совета, еще до моего избрания генеральным секретарем. После беседы с премьер-министром Великобритании Маргарет Тэтчер я выступил тогда перед британскими парламентариями с утверждением, что в ядерный век победителей не бывает, что холодная война не может быть основой международных отношений и что мы готовы пойти на любое сокращение вооружений, в первую очередь ядерных, на паритетных началах с западными партнерами. Уже тогда я произнес фразу, которая остается и по сей день моим кредо: «Несмотря на все, что нас разделяет, мы живем на одной планете. Европа — наш общий дом. Дом, а не театр военных действий».

Несмотря на сопротивление и западных политических кругов, и консервативной части партийного

и государственного советского аппарата, идеи нового мышления постепенно пробивали себе дорогу. После первых советско-американских саммитов в Женеве и Рейкьявике особо важной в теоретическом плане для меня была Делийская декларация, которую я подписал в ноябре 1986 года с премьер-министром Индии Радживом Ганди, погибшим четыре года спустя от руки тамильской террористки. В этой декларации были сформулированы некоторые идеи, которые кажутся мне основополагающими для человечества XXI века. Мы утверждали, в частности, что человеческая жизнь является высшей ценностью, что отказ от насилия должен стать высшим принципом сосуществования народов, что «равновесие террора» должно быть заменено глобальной системой международной безопасности.

Всего за несколько лет моего пребывания на посту главы государства политический климат в мире полностью изменился. Вот некоторые вехи этих насыщенных лет. Конференция ОБСЕ в Вене, которая завершилась подписанием важнейшего Заключительного документа в 1989 году, давшего импульс и переговорам о сокращении обычных вооружений в Европе, и усилению как сотрудничества между всеми европейскими странами, так и роли прав человека на всем европейском пространстве. Первое советско-американское соглашение в декаб-

ре 1987 года о значительном сокращении численности ракет среднего и малого радиуса действия с ядерными боеголовками, которое послужило прологом последующей ратификации соглашений СТАРТ-1 и СТАРТ-2¹, а также привело к решению о полном уничтожении арсеналов химического оружия. Вывод советских войск из Афганистана в конце 1988 — начале 1989 годов, из Восточной Европы. Расторжение Варшавского договора, введение многопартийности и переход к демократическому правлению во всех странах Восточной Европы в 1989–1990 годах. Падение Берлинской стены и объединение Германии в 1989–1990 годах. В 1990 году мои усилия по созданию новых международных отношений на основе мира, свободы от идеологического давления и отказа от идеологического противостояния, на основе признания универсальных человеческих ценностей были высоко оценены Нобелевским комитетом — я стал лауреатом Нобелевской премии мира.

¹ Сокращение Strategic Arms Reduction Talks — стратегические переговоры в Женеве, которые открылись в 1982 году. Договор СТАРТ-1 был подписан в Москве в 1991 году, а СТАРТ-2 — в марте 1993 года, однако до сих пор не вступил в силу, несмотря на то что был ратифицирован Сенатом США в 1996 году и российской Думой в 2000 году. Его вступление в силу обусловлено принятием дополнительного протокола, который был ратифицирован Россией, но не ратифицирован США.

Те же ценности руководили мною и во внутренней политике. Отказ от монополии власти коммунистической партии и введение многопартийной системы, проведение свободных выборов, отказ от централизма в отношениях с союзными республиками, отказ от применения силы в подавлении национальных движений, свобода печати, свобода вероисповедания, экономические реформы, предусматривавшие постепенный переход на рельсы рыночной экономики, одностороннее сокращение вооруженных сил и конверсия многочисленных предприятий военно-промышленного комплекса — таковы основные перемены, происшедшие за годы моего правления. От тоталитарного общества, где иначекомыслие каралось законом, где верующий не мог сделать успешной карьеры, где любое печатное слово проходило партийную цензуру и тысячи книг современных писателей и философов всего мира оседали в «спецхранах»¹, мы перешли к обществу открытому. К сожалению, перестройка не успела улучшить материальные условия жизни советских граждан, но она сделала их свободными людьми. Отныне их будущее было в их руках.

¹ «Спецхранение» — так назывались фонды в библиотеках, доступные узкому кругу должностных лиц и только по специальным разрешениям.

Не буду останавливаться в этой книге на обстоятельствах последнего года моего пребывания у власти, так как они широко известны: путч и последовавший за ним распад Советского Союза, который я надеялся реформировать, но сохранить в качестве подлинной федерации с единым экономическим пространством.

Несмотря на боль, которую я испытывал при уходе в отставку в декабре 1991 года в связи с предательством со стороны Бориса Ельцина, ведшего двойную игру и сознательно саботировавшего мои усилия по подписанию нового Союзного договора между суверенными республиками¹, я покинул руководство страны с верой в будущее. Мне представлялось, что новое мышление, пришедшее на смену холодной войне, и многополярный мир, пришедший на смену разделу сфер влияния между двумя сверхдержавами, открывают новые возможности для международного сотрудничества, изменения роли ООН, для совместной борьбы с бедностью, международной преступностью и проблемами окружающей среды.

¹ В марте 1991 года 76 % граждан Советского Союза высказались во время референдума за сохранение на новой равноправной основе союзного государства. Следует уточнить, правда, что референдум был проведен в 11 из 15 республик СССР, так как республиканские руководства стран Балтии и Молдавии отказались от его проведения.

Когда вместе с развалом Советского Союза я ушел в отставку с поста первого советского президента, я решил посвятить свою дальнейшую жизнь служению своей стране и человечеству. Вместе с несколькими ближайшими сотрудниками я создал тогда Фонд Горбачева, чтобы продолжить развитие идей нового мышления, создание концепции новой гуманистической цивилизации XXI века, привлекая к сотрудничеству известных политиков и деятелей культуры разных стран.

Всемирный экологический саммит в Рио-де-Жанейро в 1992 году послужил для меня дополнительным импульсом для возврата к проблематике, которая, как читатель может убедиться при чтении этой главы, была дорога мне с детства, — спасению и сохранению окружающей среды в контексте устойчивого развития с социальной ориентацией, новыми духовными и интеллектуальными ориентирами. Мне показалось, что на этом пути я смогу наилучшим образом совместить мои философские интересы, любовь к земле и всему живому, мой опыт политика, мой моральный авторитет. Но главное — я убежден — это самая насущная, экзистенциальная задача, которая стоит сегодня перед человечеством.